

И. И. Ибрагимов

Институт лингвистических исследований РАН/ СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
ibragimov.lectures@yandex.ru

OPTATIVUS OBLIQUUS В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются имеющиеся интерпретации семантики тех употреблений оптатива в древнегреческом языке, которые группируются под общим названием *optativus obliquus*. Данное явление рассматривается во всех авторитетных грамматиках древнегреческого языка и является темой нескольких отдельных публикаций, при этом взгляды исследователей на семантику *optativus obliquus* разнородны, а иногда и противоположны. В статье делаются предположения о причинах того, почему *optativus obliquus* ускользает от однозначного истолкования, и намечаются перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: *optativus obliquus*, синтаксис древнегреческого языка, придаточные предложения.

I. I. Ibragimov

Institute for Linguistic Studies, RAS/ St. Petersburg State University, Russia,
ibragimov.lectures@yandex.ru

Oblique optative in Ancient Greek: interpretations and further research

The article deals with the existing interpretations of the semantics of the optative in Ancient Greek, in the cases grouped under the general term *oblique optative*. This phenomenon is accounted for in all authoritative grammars of the Ancient Greek language and is the subject of several specific publications. One can see that the views of researchers on the semantics of the *oblique optative* are heterogeneous, and sometimes even opposite. The article makes assumptions about the reasons why the *oblique optative* eludes unambiguous interpretation and outlines prospects for further research.

Keywords: oblique optative, Ancient Greek syntax, subordinate clauses.

Как писал в 1988 году Марсель Делонуа, «так называемый *optativus obliquus* остается самым загадочным и наименее проясненным из всех употреблений оптатива; он изучен мало и фрагментарно, его общее исследование отсутствует» (Delaunois 1988: 127). Через 35 лет после того, как были написаны эти слова, положение дел кардинально не изменилось.

В самом деле, хотя употребления оптатива в древнегреческом языке, обозначаемые термином *optativus obliquus*, рассматриваются во всех авторитетных грамматиках древнегреческого языка и анализируются в нескольких специальных публикациях, суждения исследователей о семантике этих употреблений оптатива разнятся, а подчас и противоречат друг другу.

Прежде чем перейти к анализу имеющихся точек зрения, дадим общее определение *optativus obliquus* исходя из его употреблений в текстах V–IV вв. до н. э. Термином *optativus obliquus* обозначаются употребления оптатива без частицы *ἄν* в дополнительных придаточных предложениях, а также в предложениях причины, цели и времени (последние — только с союзом *πρὶν* и отрицанием в главной части), в тех случаях, когда ситуация, описываемая в главном предложении, относится к плану прошлого. *Optativus obliquus* факультативен: наряду с оптативом во всех названных конструкциях могут употребляться индикатив или конъюнктив — именно те формы, которые обязательны в случае временной отнесенности ситуации главного предложения к плану настоящего. Иногда говорят, что *optativus obliquus* «замещает» соответствующие формы индикатива или конъюнктива, что не совсем верно, так как по ряду признаков именно формы оптатива, а не индикатива/конъюнктива выступают в этих случаях как немаркированные (Delaunois 1988: 128).

Видо-временная форма *optativus obliquus* соответствует форме индикатива/конъюнктива; имперфект индикатива «заменяется» оптативом презенса, а плюсквамперфект — оптативом перфекта, однако такие случаи редки. Чаще всего в конструкциях, допускающих употребление *optativus obliquus*, «сохраняется» индикатив имперфекта и плюсквамперфекта. Из этого можно сделать вывод, что видо-временное значение в данном случае более значимо для коммуникации, чем значение *optativus obliquus*.

Подытожим точки зрения на семантику *optativus obliquus*. Начнём с грамматик.

К. Крюгер (Krüger 1862: 294) характеризует *optativus obliquus* достаточно лаконично: «...после исторического времени употребляется оптатив, когда выражаемая мысль подается как представление субъекта главного предложения». Та же трактовка — в грамматике Р. Кюнера и Б. Герта (Kühner, Gerth 1904: 254): «В зависимости от своего содержания, косвенные вопросы, предложения при глаголах страха и целевые предло-

жения выражают мысли и настроения главного субъекта (*des übergeordneten Subjekts*)». Аналогичную формулировку находим в грамматике Э. Швицера (Schwyzer, Debrunner 1950: 331): «С помощью оптатива ... в придаточных предложениях обозначается их внутренняя зависимость, то есть выражение ими мысли субъекта управляющего глагола»:

Хен. Сур. 1.4.25 καὶ ὁ Κύριος δὲ ἐνταῦθα λέγεται εἰπεῖν ὅτι ἀπιέναι βούλοιο, μὴ ὁ πατήρ τι ἄχθοιτο... «Как говорят, и сам Кир заявил тогда, что хочет уехать, чтобы не огорчить отца...».

Приведенные формулировки, как нам кажется, подразумевают, что *optativus obliquus* употребляется в нарративе, автор которого дистанцируется от «мыслей и настроений» субъекта главного предложения и передает их, не беря на себя ответственности за их истинность.

Еще дальше в плане образной характеристики *optativus obliquus* пошел Ж. Эмбер: «<*optativus obliquus* служит> для обозначения тесной подчиненности между придаточным и главным, когда они относятся к прошлому. По сравнению с «наклонением констатации» (индикатив), *optativus obliquus* обозначает некий элемент «мертвой реальности» (Humbert 1960: 121–122). Далее Эмбер предлагает назвать *optativus obliquus* «оптативом <для обозначения> деградации реальности в прошлом» («*optatif du dégradation du réel dans le passé*»).

Лаконичное описание семантики *optativus obliquus* предлагает М. Бизос (Bizos, 1971: 194): «*Optativus obliquus* употребляется, когда придаточное предложение тесно связано с глаголом главного предложения».

Примерно в том же ключе характеризует *optativus obliquus* в причинном придаточном предложении У. Гудвин: «<*optativus obliquus* употребляется в> причинных предложениях в прошедшем, в которых утверждение о причинно-следственной связи приписывается другому человеку...» (Goodwin 1897: 281). Аналогична формулировка в грамматике Г. Смайта: «...причинные предложения, обозначающие предполагаемую или пересказанную причину, используют оптатив после исторических времен» (Smyth 1956: 504):

Th. 2.21.3 καὶ τὸν Περικλέα ... ἐκάκιζον ὅτι στρατηγὸς ὢν οὐκ ἐπεξάγοι... «Перикла ... поносили за то, что он, будучи стратегом, не ведет их <на врага>...».

Интерпретация А. Рейксбарона несколько иная: «...оптатив является формальным признаком того, что клауза зависит от

глагола в прошедшем времени; таким образом, передаваемые слова также относятся к прошлому. Это означает, что они представлены с точки зрения рассказчика. Конструкция, использующая время и наклонение прямой речи, с другой стороны, предполагает, что передаваемые слова излагаются почти буквально. ... Тогда, поскольку их отнесенность к прошедшему, так сказать, отменена, передаваемые слова представлены с точки зрения первоначального говорящего/адресата. Это часто предполагает, что сказанное является предметом непосредственной заинтересованности говорящего и/или адресата» (Rijksbaron, 2002: 53).

Учитывая разницу между приведенными интерпретациями, нельзя не согласиться с замечанием М. Делонуа (которое относится к интерпретации А. Рейксбарона), о том, что подобные утверждения «конечно, хороши», но могут быть проверены лишь в ограниченном числе случаев (Delaunoy 1988: 130).

Еще в большей степени отличается от приведённых интерпретаций понимание, представленное в новой фундаментальной грамматике древнегреческого языка, соавтором которой также является А. Рейксбарон: «optativus obliquus сигнализирует, что рассказчик представляет всё в своей собственной временной перспективе: он ставит себя между говорящим и адресатом, подчеркивая свою роль медиатора. Использование наклонения соответствующей прямой речи представляет содержание речи эмфатически с позиции говорящего. Как таковая, конструкция функционирует как средство дистанцирования: она может предполагать, что рассказчик считает, что передаваемые слова ложны или иным образом неприемлемы, или что передаваемые слова были особенно важны в передаваемой речевой ситуации (решающими для говорящего или его адресата) и менее важными в текущей речевой ситуации» (van Emde Boas, Rijksbaron, Huitink, De Bakker, 2019: 509). Согласно комментарию авторов грамматики к следующему примеру, информация, особенно важная для адресата, передана формой индикатива (εἶσιν), в отличие от формы оптатива (νέμοιτο):

Хер. Ап. 2.2.14 ἔτι δὲ ἀμφὶ δεῖλην ἔδοξαν πολεμίους ὄραν ἰππέας ... ἐν ᾧ δὲ ὠπλίζοντο ἤκον λέγοντες οἱ προπεμφθέντες σκοποὶ ὅτι οὐχ ἰππεῖς εἶσιν, ἀλλ' ὑποζύγια νέμοιτο. «Но еще в сумерках им почудилось, что они видят вражеских всадников ... пока они вооружались, вернулись высланные вперёд разведчики и сообщили, что это не всадники, а пасущийся вычный скот».

Представляется, что основная причина наличия столь разных пониманий семантики *optativus obliquus* заключается в отсутствии специальных исследований, учитывающих репрезентативную выборку материала. Складывается впечатление, что не анализ употреблений ведёт к тем или иным выводам, а, наоборот, примеры подбираются так, чтобы соответствовать выдвигаемым утверждениям.

Рассмотрим теперь публикации, полностью или преимущественно посвященные *optativus obliquus*.

Достаточно неожиданную точку зрения содержит статья Р. Фора (Faure 2009). Автор утверждает, что *optativus obliquus* не является ни факультативным, ни «замещающим» какое-либо другое наклонение и представляет собой грамматикализованную в V–IV вв. до н. э. форму времени — «время нарратива» (*temps du récit*) (Faure 2009: 282).

Вот один из аргументов Р. Фора в пользу наличия семантики прошедшего времени у *optativus obliquus*. В придаточных предложениях цели *optativus obliquus* практически исключен в тех случаях, когда высказывание говорящего подразумевает, что его намерение сохраняется в момент речи, т. е. цель прошедшего действия находится в будущем (Faure 2009: 283)¹:

Хер. Оес. 8.2 ἀλλὰ γάρ, ἔφην ἐγώ, τούτων οὐ σὺ αἰτία, ἀλλ' ἐγὼ οὐ τάξας σοι παρέδωκα ὅπου χρή ἕκαστα κεῖσθαι, ὅπως εἰδῆς ὅπου τε δεῖ τίθεναι καὶ ὁπόθεν λαμβάνειν. «Впрочем, — добавил я, — в этом не ты виновата, а я, потому что я при передаче хозяйства не дал тебе указаний, где должна каждая вещь лежать, чтобы ты знала, куда надо класть и откуда брать».

Напротив, если цель прошедшего действия находится в прошлом, употребляется оптатив:

Хер. Ап. 5.8.16 ἄλλον δὲ γε ἴσως ἀπολειπόμενον που διὰ ῥαστώνης καὶ κωλύοντα καὶ ὑμᾶς τοὺς πρόσθεν καὶ ἡμᾶς τοὺς ὀπίσθεν πορεύεσθαι ἔπεισα πύξ, ὅπως μὴ λόγῃ ὑπὸ τῶν πολεμίων παύοιτο. «Возможно, что и много какого-нибудь человека, отставшего вследствие отсутствия энергии и ставшего помехой для продвижения вперед передовых отрядов и арьергарда, я ударил кулаком, чтобы враги не ударили его копьем».

¹ Р. Фор ссылается на Amigues (1977: 237). О такой же закономерности пишет Г. В. Смайт (Smyth 1956: 494) и более поздние описания: «Также конъюнктив используется, когда исходная цель всё ещё актуальна в момент речи (повествования)» (van Emde Boas, Rijksbaron, Nuijink, De Bakker 2019: 530).

В работе содержится ещё целый ряд аргументов в пользу того, чтобы считать optativus obliquus обладающим семантикой «времени нарратива», а не наклонения. Как нам кажется, эти аргументы не выглядят достаточно обоснованными, хотя бы в силу того, что выборка, на которую опирается работа, невелика².

В работе (Pino Campos, 1991), в частности, анализируется функционирование optativus obliquus в придаточных предложениях цели. К сожалению, языковой материал Л. М. Пино Кампоса также не очень репрезентативен³, однако учёт отобранных им признаков, которые могут влиять на выбор наклонения, мог бы дать интересные результаты при наличии более значительной выборки. Исследователем, как нам кажется, обоснованно принимается во внимание лицо глагола-сказуемого придаточного предложения и кореферентность субъекта придаточного предложения с субъектом главного предложения или говорящим.

В работе (Basset 1984) проводится достаточно тонкий анализ употреблений оптатива у Гомера. Л. Бассе приходит к следующему выводу. Употребляя optativus obliquus, рассказчик двояко интерпретирует источник своего сообщения: он дистанцируется от этого источника и отказывается от подтверждения истинности его информации, но, «вверяя» своему источнику его точку зрения, рассказчик одновременно демонстрирует к нему своё доверие. Близкую интерпретацию мы видим в вышеупомянутой грамматике (van Emde Boas, Rijksbaron, Huitink, De Bakker 2019).

В своей второй работе на интересующую нас тему Л. Бассе анализирует все употребления optativus obliquus в предложениях с союзами ὅτι и ὥς у Фукидида и приходит к выводу, что оптатив в этих случаях «подчеркивает субъективность пересказываемого высказывания. Это экспрессивное значение, для которого сложно установить объективные ориентиры» (Basset 1986: 25).

К трактовке Л. Бассе также близки некоторые выводы, сделанные Х. Мендесом Досуной (Mendes Dosuna, 1999). В первой части работы утверждается, что optativus obliquus выражает

² Анализируются предложения, вводимые союзами ὅτι и ὥς в «Анабасисе» Ксенофонта.

³ Фукидид (I книга), «Электра» Софокла и «Горгий» Платона (Pino Campos 1991: 189).

значение эвиденциальности — эксплицитного указания на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации. Надо отметить, что по сути этот термин называет то же самое значение, о котором писал Л. Бассе и более ранние исследователи. Аргументация исследователя подкрепляется данными типологии, согласно которым в языках мира распространено совмещение в одном показателе значений потенциальности и эвиденциальности, что как раз и происходит в случае *optativus obliquus*. Приведём примеры, хорошо иллюстрирующие это значение:

Хер. *Лас.* 1.1.1 ἀλλ' ἐγὼ ἐννοήσας ποτὲ ὡς ἡ Σπάρτη τῶν ὀλιγανθρωποτάτων πόλεων οὕσα δυνατωτάτη τε καὶ ὀνομαστοτάτη ἐν τῇ Ἑλλάδι ἐφάνη... «*Размышляя о том, каким образом такой крайне малолюдный город, как Спарта, оказался могущественнейшим и знаменитейшим городом Элады...*».

Очевидно, в приведенном примере с помощью индикатива констатируется факт, не вызывающий у автора сомнений.

Хер. *Мет.* 1.1.1 πολλὰκις ἐθαύμασα τίσι ποτὲ λόγοις Ἀθηναίους ἔπεισαν οἱ γραψάμενοι Σωκράτην ὡς ἄξιός εἴη θανάτου τῇ πόλει. «*Часто удивлялся я, какими это доводами люди, обвинявшие Сократа, убедили афинян, что он заслужил смертный приговор от сограждан*».

Во втором примере автор, конечно же, не разделяет точку зрения обвинителей Сократа.

Далее Мендес Досуна признает, что в целом ряде случаев разницу между оптативом и индикативом/конъюнктивом выявить не удастся. Так, аттические ораторы употребляли оптатив в контекстах, где от любого намёка на неуверенность или сомнение могли бы пострадать интересы их клиента:

Lys. 1.20 κατηγορεῖ πρῶτον μὲν ὡς μετὰ τὴν ἐκφορὰν αὐτῆι προσίοι, ἔπειτα ὡς αὐτῆι τελευτῶσα εἰσαγγεῖλειε καὶ ὡς ἐκεῖνη τῷ χρόνῳ πεισθεῖη, «... <служанка> обвинила его в том, что после похорон он подошел к ней, <рассказала>, как она в конце концов сообщила ей <своей госпоже> его просьбу, как та со временем поддалась <на его уговоры>...».

Несмотря на употребление *optativus obliquus*, у говорящего, очевидно, нет никаких сомнений в истинности передаваемой им информации.

В большом числе случаев противопоставление *optativus obliquus* и конъюнктива/индикатива, видимо, нейтрализуется:

Lys. 12.74 μετ' ἐκείνον δὲ Λύσανδρος ἀναστὰς ἄλλα τε πολλὰ εἶπε καὶ ὅτι παρασπόνδους ὑμᾶς ἔχοι, καὶ ὅτι οὐ περὶ πολιτείας ὑμῖν ἔσται ἀλλὰ περὶ σωτηρίας... «После него встал Лисандр и сказал между прочим то, что он смотрит на вас как на нарушителей договора и что для вас встанет вопрос уже не о государственном устройстве, а о жизни и смерти...».

Подводя итоги изложенным интерпретациям, можно сделать предположение о причине столь разных толкований optativus obliquus, а также случаев полного совпадения его семантики с семантикой противопоставленных форм конъюнктива/индикатива.

Периодом «расцвета» optativus obliquus, вероятно, можно считать первую половину IV века до н. э.: у авторов этого периода его употребления наиболее частотны (Faure 2009: 281)⁴. Особенно это касается придаточных изъяснительных — наиболее употребительного для optativus obliquus типа конструкций (у Гомера optativus obliquus в этом типе придаточных еще не встречается⁵). Во второй половине IV века до н. э. употребительность optativus obliquus снижается (Basset 1984: 19; Faure, 2009: 282), а после 300 г. до н. э. он быстро выходит из употребления (Schwyzer 1950: 334; van Emde Boas, Rijksbaron, Huitink, De Bakker, 2019: 510).

Учитывая, что тексты V–IV вв. до н. э. созданы относительно незадолго до того, как optativus obliquus перестает употребляться, возможно, семантические различия опатива и конъюнктива/индикатива в каких-то случаях уже оказывались стёртыми и optativus obliquus употреблялся преимущественно как стилистический вариант конъюнктива/индикатива. Возможность утраты опативом определенных значений на протяжении

⁴ Количество употреблений optativus obliquus и «конкурирующих» с ней форм конъюнктива в придаточных, зависящих от глаголов страха, и предложениях цели у разных авторов приводится в работе (Weber 1884: 243).

⁵ Вслед за Э. Швицером (Schwyzer 1950: 331–334), П. Шантрэн отмечает (Chantraine 1953: 224), что у Гомера optativus obliquus употребляется в следующих типах придаточных предложений: относительных, цели, времени, предложениях с союзом εἰ ('на тот случай, если'), в косвенных вопросах, выражающих сомнение, дополнительных предложениях, зависящих от глагола страха. Во всех этих случаях optativus obliquus «замещал» формы конъюнктива. Параллельно с формами индикатива optativus obliquus употребляется у Гомера ограниченно, и только в косвенном вопросе.

IV века до н. э. допускает и Л. Бассе (Basset 1986: 39). Анализ сплошной выборки материала с учетом особенностей каждого автора и типа конструкции мог бы подтвердить или опровергнуть эти предположения.

В этой связи до сих пор актуальными выглядят соображения М. Делонуа, который предлагает учитывать следующие факторы при анализе употреблений *optativus obliquus* (Delaunois 1988: 132):

1. Осуществлять синтаксическую классификацию изучаемой формы опатива в каждом типе предложений, учитывать их морфологические, лексические и семантические характеристики; учитывать лексические свойства глаголов-сказуемых главной и придаточной части;

2. Учитывать контекст;

3. Принимать во внимание логические и психологические факторы, связанные со всеми участниками описываемых ситуаций: говорящего, автора и других;

4. Сопоставлять рассматриваемую форму с соседними глагольными формами;

5. Учитывать возможность наличия устойчивого оборота или аттракции.

По-видимому, необходимо добавить к этим пунктам как минимум три:

6. Разграничивать нарратив и прямую речь;

7. В случае прямой речи, учитывать лицо глагола-сказуемого главного предложения;

8. Во всех случаях обращать внимание на кореферентность глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений.

Литература

- Adrados, F., 1992: *Nueva sintaxis del griego antiguo*. Madrid: Gredos.
- Amigues, S., 1977: *Les subordinées finales par hōpōs en attique classique*. Paris: Klincksieck.
- Basset, L., 1984: *L'optatif grec et la dissociation énonciative*. *LALIES (Actes des sessions de linguistique — Ecole normale supérieure) IV*, 53–59.
- Basset, L., 1986: *La représentation subjective d'un point de vue passé: l'optatif oblique dans les complétives déclaratives chez Thucydide*. In: S. Rémi-Giraud et M. Le Guern (eds), *Sur le verbe*, Lyon.
- Bizos, M., 1971: *Syntaxe grecque* (4e éd). Paris.
- Chantraine, P., 1953: *Grammaire homérique. Tome 2. Syntaxe*. Paris: Klincksieck.

- Delaunoy, M., 1988: *Essai de syntaxe grecque classique. Réflexions et recherches*. Bruxelles.
- Faure R., 2009: L'optatif oblique serait-il un temps? *CLELIA (Colloque de Langue et de Littérature Antiques)*, La Baume-lès-Aix, 281–294.
- Goodwin, W. W., 1897: *Syntax of the Moods and Tenses of the Greek Verb* (2nd ed.). London.
- Humbert, J., 1960: *Syntaxe grecque* (3e éd). Paris.
- Krüger, K. W., 1862: *Griechische Sprachlehre für Schulen. Zweiter Theil: Syntax*. 4. Ausg. Berlin.
- Kühner, R., Gerth, B., 1904: *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Zweiter Teil: Satzlehre. Zweiter Band*. 3. Aufl. Hannover und Leipzig.
- Mendes Dosuna, J. V., 1999: La valeur de l'optatif oblique grec: en regard fonctionnel-typologique. In: B. Jacquino (ed), *Les complétives en grec ancien: actes du colloque international de Saint-Etienne, Saint-Etienne*, 331–352.
- Pino Campos, L. M., 1991: Oraciones subordinadas finales; la función de los modos subjuntivo y optativo en griego antiguo. *Fortunatae* 1991 2, 187–206.
- Pino Campos, L. M., 1992: Los modos subjuntivo y optativo en las subordinadas temporales. *Excerpta philologica*, 1992 2, 43–58.
- Pino Campos, L. M., 1994: Subjuntivo y optativo en subordinadas griegas. *VIII congreso español de estudios clásicos* (1991), 1. Madrid. 225–228.
- Rijksbaron, A., 2002: *The Syntax and Semantics of the Verb in Classical Greek* (3rd ed). Amsterdam.
- Schwyzler E., Debrunner A. 1950: *Griechische Grammatik. Band 2: Syntax und syntaktische Stilistik*. München: C. H. Beck.
- Smyth, H. W., 1956: *Greek Grammar. 2nd ed. revised by G.M. Messing*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- van Emde Boas E., Rijksbaron A., Huitink L., De Bakker M. (eds.), 2019: *The Cambridge Grammar of Classical Greek*. Cambridge.
- Weber, Ph., 1884: *Entwicklungsgeschichte der Absichtssätze*. Würzburg.